

Он произнёс пару слов, голос его сорвался, и он не смог продолжить. Низко опустив голову, он тяжело перевёл дух, затем поспешно сменил позу, упал ниц и принялся яростно бить челом перед старухой Лю:

— Сын впал в заблуждение, поверив бредням того колдуна, в помутнении рассудка совершил злодеяние! Сын недостойн!

Сказав это, он залился слезами и, прижав ко лбу землю, уже покрасневшую от ударов, не мог выговорить ни слова связно.

— Что же раньше молчал? — Сюэ Сянь с отвращением смотрел на его сгорбленную спину. Его тошнило от этого зрелища. По характеру он всегда был прямолинеен и на дух не переносил, когда люди начинают вилить и выгораживать себя. Недостойн — так недостойн. Эгоистичен и коварен — так эгоистичен и коварен. Взваливать всю вину на колдуна — это уже верх бесстыдства. Такие сказки могут обмануть разве что родную мать.

Старуха Лю ничего не ответила, лишь молча смотрела на советника Лю. Любому было бы невыносимо больно видеть, как его родной, взлелеянный сын опустился до такого состояния. Она долго молчала, а затем тихо, со вздохом, произнесла:

— Одна ладонь хлопка не издаст.

Не будь у тебя такого умысла, даже если бы колдун разговорился до цветов райских, ты бы не поддался.

Услышав это, распостёртый на земле советник Лю замер. Осторожно подняв голову, он взглянул на старуху Лю, пытаясь разглядеть в её глазах какой-нибудь намёк, но не обнаружил и тени злобы, присущей лютым призракам.

Старуха Лю снова вздохнула и поманила его рукой:

— Подойди поближе.

Старуха, видимо, от природы была медлительна, и голос её по-прежнему звучал мягко, лишь с лёгкой ноткой сожаления.

Сожаление это не было отравлено злобой. Советник Лю, немного помедлив, тут же подполз к старухе поближе, и в его глазах даже мелькнула искорка надежды — ведь если бы она действительно стала злобным призраком, то говорила бы иначе. Значит, ещё не всё потеряно.

— Взгляни на мать, — снова тихо сказала старуха Лю.

— Сын и вправду давно так не глядел на тебя, матушка, — не преминул добавить советник Лю, почуяв послабление.

Старуха Лю посмотрела на него, а затем резко замахнулась и дала ему пощёчину!

Хлоп!

Никто не ожидал такого внезапного поворота, все на мгновение остолбенели.

Советник Лю схватился за щёку, лицо его исказилось от изумления.

— Мать, ты... — он, кажется, даже говорить разучился.

— Ох... и у меня руки зачесались, — с чувством произнёс Сюэ Сянь.

Сюань Минь: «...»

Советник Лю, должно быть, был настолько потрясён, что просто не расслышал этого ворчания. Он долго сидел, прижав руку к лицу, прежде чем к нему вернулся дар речи:

— Я... я просто не знал, как поступить! Я и вправду не знал! Я пригласил того колдуна ради тебя!

Произнеся это, он словно нашёл верное направление для оправданий:

— Изначально я пригласил того колдуна именно ради тебя! Здоровье твоё всё ухудшалось, половина тела никак не разгибалась... Врач из семьи Цзян, этот невежда, сказал мне, что одна болезнь тянет за собой другую, и излечение невозможно. Вот я и задумался снова прибегнуть к помощи колдуна. Матушка, ты, возможно, не понимаешь, но комната твоя на северо-востоке — место благоприятное! Тот колдун сказал мне, что если правильно обустроить это место, то можно мёртвых воскресить, плоть на костях нарастить! Я желал тебе скорейшего выздоровления! Но... увы...

— Разве комната на северо-востоке не занята твоим младшим сыном, Лю Цзинем? — удивился Сюэ Сянь.

Советник Лю, вздыхая, как раз услышал этот вопрос и машинально объяснил:

— Цзинь переселился туда позже!

— Знаю, — внезапно заговорила старуха Лю, всё так же глядя на советника Лю, словно припоминая что-то. — Ты не только дал мне хорошую комнату, но и каждый день навещал, чай подавал, воду приносил... Когда я в конце уже не могла с постели подняться, ты, если время находил, у кровати прислуживал... Всё помню, сынок.

Но есть люди крайне противоречивые. Сказать, что он нерадивый сын — а он и вправду исполнял положенные сыновний долг. Сказать, что сын он образцовый — а он по наущению колдуна в три слова развернулся да и заточил родную мать под домом. Можно сказать, использовал всё, что можно, без малейшей расточительности.

— Однако же... — старуха Лю внезапно продолжила:

— Когда ты заточил меня здесь, я узнала, чем обернулась для моего Чуна та самая «хорошая комната».

— Этой пощёчиной я бью тебя за Чуна! — сказала старуха Лю и, не дав опомниться, снова замахнулась.

Хлоп!

Вторая пощёчина пришлась по другой щеке советника Лю.

— Этой пощёчиной я бью тебя за лекаря из врачебной семьи Цзян! — неспешно произнесла старуха Лю. — Лекарства мои в последние дни ты подменил, ведь так? Пусть я и не совсем в памяти была, но на вкус-то отличить могла. Ты — плоть от плоти моей, о чём ты думал, я понимаю...

Она покачала головой и вздохнула:

— Ты просто видел, что мать твоя то ли выздоровеет, то ли нет, а быть почтительным сыном на глазах у полумёртвого человека — дело хлопотное да неблагодарное. Доброе имя ты себе уже снискал, а потом, послушав того шарлатана-колдуна, решил побыстрее мать на тот свет спровадить, ведь так?

Советник Лю сидел на коленях, окончательно онемев.

— Сделал — так сделал, уж больно негоже всё на голову врача из семьи Цзян валить. Я тогда глаза открыть не могла, говорить не могла, но разговоры служанок слышала. Ты же оклеветал лекаря Цзяна, обвинил в смерти по небрежности! Совесть-то у тебя есть?

Старуха закрыла глаза. Её освобождённое тело, видимо, уже не могло долго продержаться, силуэт становился всё более прозрачным, и вот уже черты лица начали расплываться:

— Я — твоя мать, Чун — твой сын. Свои — свои счёты, чужие — чужие. Три года я жернов этот крутила — сочти, что сыновний долг отдала. Чун столько времени в этой комнате прожил — пусть будет, что долг за двадцать лет воспитания вернул... Ну а долг, что ты должен семье Цзян, — ступай и отдай.

— Мать, матушка... что это ты говоришь? — советник Лю вдруг поднял голову, в его растерянном взгляде мелькнула паника.

— Влез в долг — значит, влез. Не вычеркнешь. Рано или поздно отдавать придётся, — старуха Лю в последний раз глубоко взглянула на него, затем повернулась к Сюань Миню:

— Учитель, мне, должно быть, пора?

Видимо, она приняла его за монаха, что проводит заупокойные обряды, и спросила тихим голосом.

Сюань Минь опустил взгляд на неё, затем указал пальцем на жернов.

Не дожидаясь, пока он заговорит, старуха кивнула, словно всё поняла. Она повернулась к Лю Чуну. Дурачок, всё это время рыдавший в три ручья, уже поднял голову. Он не слишком понимал слова бабушки, но в этот момент вдруг почувствовал, что та собирается уйти:

— Бабушка... ты... ты устала?

— Да, бабушка очень устала, — ласково ответила старуха Лю. — Надо немного поспать.

— А если я буду бумажные монеты жечь, я ещё увижу тебя?

— Всё, что скажешь, бабушка услышит. Может, и не увидишь меня, но я всегда... буду за тобой присматривать, — сказала старуха Лю, развернулась и растворилась в каменном жернове.

Сюань Минь наклонился, поднял жернов, подобрал с земли бумажного человечка Цзян Шинина, вернувшегося в свой первоначальный облик, и направился к выходу.

— Учитель! Учитель! Моё лицо... — Советник Лю, опомнившись, бросился за ним, спотыкаясь. Он трясущимися руками ощупывал своё лицо и кричал:

— Почему оно распухло?!

Сюань Минь скосил на него взгляд.

Щёки советника Лю внезапно неестественно вспухли, на них отпечатались два явственных следа от ладоней. Следы были багрово-красными, кожа на них будто истончилась, и сквозь неё проступали синеватые прожилки вен, похожие на паутину. Зрелище было поистине жутким.

— Нечисть не может прикоснуться к живому человеку, — произнёс Сюань Минь.

В мгновение ока лицо советника Лю распухло так, что говорить стало трудно:

— Тогда почему же я...

— Обиженный дух имеет один шанс потребовать справедливости, — сказал Сюань Минь. — И оставить на обидчике свою метку.

На лице советника Лю отразился ужас:

— А после? Она придёт за моей душой?

— Метку она оставила не ради себя, — холодно ответил Сюань Минь. — Она оставила её за твоего сына Лю Чуна и за лекаря из семьи Цзян. Все страдания, что выпали на их долю из-за тебя, вернутся к тебе.

Око за око.

— Не уходите! Спасите! Учитель, спасите меня! — Советник Лю с грохотом рухнул на колени перед Сюань Минем, прополз на них пару шагов и вцепился мёртвой хваткой в подол его монашеской рясы.

Сюэ Сянь, прилепившийся к поясу Сюань Миня, вдруг спросил:

— Эй, Лю! Скажи-ка, этим летом, в середине, ты бывал в Гуандуне, в Хуамэне?

Советник Лю в панике машинально решил, что вопрос исходит от Сюань Миня, и замотал головой, выкрикивая:

— Нет! Нет! Никогда не бывал в тех дальних краях!

Ответив, он снова принялся дрожащим голосом умолять:

— Спасите... спасите меня...

— Не может быть, — ледяным тоном произнёс Сюэ Сянь.

<http://bllate.org/book/16289/1467843>